

УДК 39(=1.470=512.1):821.161.1«18»

**ЧУВАШСКИЙ ЭТНОС КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX ВЕКА**

**THE CHUVASH ETHNOS AS A STUDY SUBJECT
IN RUSSIAN JOURNALISM OF THE 19th CENTURY**

Н. И. Степанова

N. I. Stepanova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлены отдельные штрихи к портрету чувашского народа в русской публицистике XIX века, для чего проанализированы произведения известных русских авторов того времени: А. Н. Радищева, А. А. Фукс, В. А. Сбоева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова, Н. Г. Гарина-Михайловского, В. И. Даля, Н. Д. Телешова. В произведениях публицистов своеобразно и богато запечатлены быт, верования, культура, мировоззрение, а также особый характер взаимоотношений чувашей с другими народами Поволжья и Приуралья.

Abstract. The article presents some touches on the portrait of the Chuvash people in the Russian journalism of the nineteenth century, for that the author has analyzed the works of famous Russian authors of that time. Those are the works by A. N. Radishchev, A. A. Fuks, V. Sboev, M. E. Saltykov-Shchedrin, N. S. Leskov, N. G. Garin-Mikhailovsky, V. I. Dahl, N. D. Teleshov. In the works of these publicists there have been captured daily life, religion, culture, philosophy and also a particular character of relation of the Chuvash people with other peoples of the Volga and Transurals Regions.

Ключевые слова: *портрет, литературный герой, художественный образ, образ чувашского народа, портрет чуваша в публицистике, картина мира, национальная картина мира в литературе.*

Keywords: *portrait, literary character, imagery, image of the Chuvash people, portrait of the Chuvash in journalism, world picture, national world picture in literature.*

Актуальность исследуемой проблемы. Для целостного изучения категории национального и его диалектики с общечеловеческим нужно глубже понять содержание их составляющих, прежде всего феномена национального в литературе и культуре [6, 132]. Национальное не может становиться для писателя «препятствием к постижению общечеловеческого», оно является необходимой предпосылкой этого постижения [1, 99]. В чувашском литературоведении до настоящего времени недостаточно изучен вопрос национальной специфики художественного мышления, а также «чувашскость» народной культуры в видении как инонациональных творческих деятелей, так и ученых данного этноса [6, 132].

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили произведения русских публицистов А. Н. Радищева, А. А. Фукс, В. А. Сбоева, М. Е. Салты-

кова-Щедрина, Н. С. Лескова, Н. Г. Гарина-Михайловского, В. И. Даля, Н. Д. Телешова, в которых находит отражение жизнь чувашского этноса до XIX века. Особое внимание было уделено изучению изображения в этих произведениях портрета чувашского народа. В работе применялись общенаучные методы и приемы литературоведческого исследования: анализ, сравнение, сопоставление.

Результаты исследований и их обсуждение. Любой портрет в литературоведении – это образ. На разных этапах развития литературоведения художественный образ трактуется по-разному. Не любой образ в публицистическом произведении является портретом [4, 128]. Портрет в литературе – одно из средств художественной характеристики, о чем говорил и Л. Тимофеев. В своих трудах он отметил, что художественный образ – конкретная и обобщенная картина жизни человека, которая создана с помощью вымысла, а также имеет свое эстетическое значение [10, 203].

Русские публицисты XVIII–XIX веков активно обращались к отражению жизни и национального сознания как русского, так и нерусских народов [3, 176]. На фоне постижения самобытности родного (русского) народа они проявляли внимание и к малым народам, в том числе и чувашскому этносу. Во многих заметках и записках, в публицистических статьях, а также художественных произведениях русских писателей и публицистов XIX века отразилось своеобразие жизненного уклада чувашского народа, их обычаи и обряды, верования и творчество [9, 5].

Русская литература о чувашах небогата. Первые записи относятся лишь к середине XVIII века, но, несмотря на это, они смогли отразить своеобразие мировоззрения чувашского этноса.

Первой попыткой объединить в одно целое то, что было написано русскими писателями о чувашах, начиная с А. Радищева и заканчивая Н. Неклюдовой, была книга «Русские писатели о чувашах», составленная Федором Уяром и Иваном Мучи, вышедшая в свет в 1946 г. В 2001 г. издательством Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова было выпущено переиздание названной книги в двух томах под названием «Чуваши в русской литературе и публицистике». В 2009 г. в Чувашском книжном издательстве увидело свет дополненное издание сборника под названием «Русские писатели о чувашах». В него включены произведения 74 авторов: путевые и дневниковые очерки, записи, научные труды, письма, а также извлечения из художественных произведений.

Составитель книги Ф. Уяр в предисловии ко второму изданию рассказывает о трудностях сбора материала, отмечает, что книга эта создавалась долго и с большим трудом, что на сбор материала для нее он потратил всю жизнь [7, 8].

Первым русским писателем, обратившим внимание на чувашский, а также на другие малые народы России, был писатель-революционер А. Радищев. В 1790 году вышла в свет его книга «Путешествие из Петербурга в Москву». Она написана в форме путевых заметок, а главы произведения посвящены почтовым станциям, на которых останавливался рассказчик-путешественник. Это дало автору возможность широко охватить русскую действительность конца XVIII века. За книгу Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а вскоре отправлен на каторгу в Восточную Сибирь. Его везли из Петербурга в Москву по той самой дороге, которую он описал позднее в своей книге. В холодные осенние дни он проплывал мимо Чебоксар и других чувашских селений. Увиденное им в дороге стало основой для изображения в путевых записках особенностей жизни и быта чувашского народа. В своих записках А. Радищев отмечает, что чуваши

чистоплотны и хороши собой: *«Татары, черемисы, чувашаи селятся по увалам и долам, русские – на горе. У чувашаи и черемис избы черные, но воздух здоровее, нежели у русских в избах, ибо прямо с надворья. Они холод любят, тараканов нет, но много блох. Чувашские бабы хороши собою»* [8, 17].

Жизнь и быт чувашей отражены и в произведении «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова. Здесь подробно описывается, как чувашаи принимали гостей: *«жена-чувашка отвела нам квартиру у богатого чувашенина, который имел несколько изб, так что одну из них очистили совершенно для нас. В карете оставаться было сыро, и мы немедленно вошли в избу, уже освещенную горящей лучиной»*; отмечается, что наряд чувашских женщин опрятный и богатый: *«прежде всего кинулся мне в глаза наряд чувашских женщин: они ходят в белых рубашках, вышитых красною шерстью, носят какие-то черные хвосты, а головы их и грудь увешаны серебряными – и крупными, и самыми мелкими – деньгами»* [8, 63]. В. Короленко «В холерном голоде» развивает вышесказанную мысль и отмечает, что чувашаи во время обрядов надевают свои самые лучшие наряды: население чувашской деревни перед празднованием моется в бане, после чего все надевают чистое платье [8, 132]. Л. Толстой в произведении «Воскресенье» говорит о честности чуваша-конвойного, который купил то, о чем его просили, и даже сдачу вернул: *«чувашин засмеялся, взял деньги и сказал: «Ладно, купаем», – и действительно честно купил и папирос, и калачей и отдал сдачу»* [8, 172].

Мнения русских публицистов и исследователей о чувашах разнятся. Одни замечают, что чувашский народ вел жалкое существование, живя в закоптелых избышках, питаясь желудями, лебедой, думая о податях и постоянных долгах кулаку, слепой от трахомы, хилый от чахотки, загнанный в леса и овраги [5, 3]. В частности, Г. Миллер в «Описании живущих в Казанской губернии языческих народов...» отмечает невежество нерусских народов, в том числе и чувашей: *«все упомянутые народы (черемисы и чувашаи) пребывают в крайней слепоте своего невежества. У них нет ни писем, ни книг (...), в шутку говорят, что книги у них корова поела»* [8, 16]. Также А. Герцену вотяки, мордва, чувашаи показались *«народом жалким, робким»*, в то же время *«ямщики-чувашаи хорошо понимали русский язык, на вопросы отвечали понятно, с небольшим акцентом, говором»* [8, 25].

А. Фукс в «Записках о чувашах и черемисах Казанской губернии» говорит о дружелюбии чувашей, отмечает, что она прекрасно чувствует себя среди простого народа: *«Я остановилась у богатого чувашина, богатого потому, что у его дома новые столярной работы ворота... Хозяйка довольно опрятно одета, ребяташки так запачканы, что их рубашки нельзя различить от черных стен избы...»* [8, 27]. В этих же записках А. Фукс подробно описывает облик чувашей и делает акцент на том, что они лицом похожи на европейские народы (*«... по моему мнению, у них нет такого верного отпечатка в физиономии, как у калмыков, башкиров и киргизов, их лица как у всех европейских народов. Из двадцати чувашаи вы не найдете двух лиц, одинаковых между собою...»*). Описывая чувашские деревни и постройки, исследователь подчеркивает их добротность: *«у его (чуваша – Н. С.) дома новые столярной работы ворота и на дворе много холодного строения»*. Автор обращает внимание и на еду, отмечает, что у чувашей здоровая пища (*«варят яшкю, салму, яйца»*), представляет отдельные подробности об Ирихе (*«чувашаи ни о чем так подробно не умеют рассказать, как об Ирихе. Ириха всегда ставят в клетях, молятся ему и приносят жертвы. Жертва Ириху по-чувашски называется нимер, по-русски кисель»*). (Йёрёх – Ирих, по верованию чувашей, это дух: хранитель домашнего очага или же злой дух, насылающий на людей наружные бо-

лезни. – Н. С.). Подробно описывает А. Фукс Иомся и его дела, отзывается о нем как о колдуне, лекаре и чувашском жреце (*«иомся, колдун, жрец и лекарь, все один. Они лечат обыкновенно травами, кореньями и наговорами. Липовый цвет, кукушкины слезы, девясил считаются в числе их лекарственных трав»*). В записках автором также упомянуты наименования музыкальных инструментов чувашского этноса (пузырь, гусли, гудок, дудка – Н. С.), отмечено, что народ разводит сады и любит садоводство, дает название месяцам и дням недели на чувашском и русском языках. А. Фукс замечает, что чувашаи делятся на крещеных и некрещеных, но особой разницы между ними нет (*«между крещеными и некрещеными разницы в одежде никакой нет, и никак не можно различить их»*) [8, 28–30].

В. Сбоев в «Заметках о чувашах» сообщает о корабельных мастерах, резчиках по дереву, смышленным и хорошим земледельцам (*«у чувашаи возили озимые чудесные, а у священника зерно поел червь»*), отмечает, что среди чувашского этноса есть хорошие предсказатели погоды, что они близки к природе и инстинктивно чувствуют и понимают ее. (*«К удивлению моему, эти предсказания каждый раз исполнялись с совершенной точностью»*) [8, 57].

М. Салтыков-Щедрин в «Благонамеренной речи» весьма положительно отзывается о добродушии, остроумии и смелости чувашей, которые готовы преодолеть любые трудности. Они не *«дерут глотки»*, а могут за себя постоять, они, *«чебоксарцы, не анализируют своих чувств, не взвешивают своих побуждений по граммам и унциям»*, *«идут в огонь и в воду»* [8, 70].

Н. Лесков в произведении «Очарованный странник» знакомит с чувашом, который не отвергает, но при этом и не принимает православную церковь, в то же время продолжает верить в своих богов. В рассказе автор описывает сцену встречи странника с чувашом – гонщиком лошадей: на четвертый день пути ему встретился молодой человек, который *«один пять лошадей гонит»*, и предложил поехать вместе. Странник отказался от поездки оттого, что ямщик ему не понравился и не было известно, какой он религии: *«он как-то мне неверен оказался, а потом нельзя было и разобрать, какой он религии, а без этого на степи страшно»*.

Чуваш, чтобы ему в поездке не было скучно, снова предложил совместную поездку: *«Садись, – кричит, – веселей, двое будем ехать»*. Тогда Странник решил проверить, какой же веры молодой человек: *«может быть, у тебя бога нет?»*. На что ямщик отвечает, что у него, по сравнению с татаринном (*«у татарина бока нет, он кобылу ест»*), много богов: *«у меня все бок: и солнце бок, и месяц бок, и звезды бок...»*. В ходе разговора становится ясно, что чуваш, кроме «своих богов», принимает и православную веру: *«и Иисус Христос бок, и богородица бок, и Николач бок»*. Услышав это, Странник был обрадован, что простые крестьяне *«русского Николая Чудотворца уважают»*. Только следующие слова молодого человека – *«еще на него одного не надеюсь, так Керемети бычка жертвую»* – сразу же разочаровали и разозлили Странника, отчего он прогнал ямщика: *«пошел прочь. Я с тобою не поеду, если так Николая Чудотворца не уважаешь»* [8, 71–72].

Этим рассказом Лесков показывает чуваша-ямщика, который, приняв христианство, продолжает верить в то, во что верили его предки. Автор рисует портрет веселого, общительного молодого человека (*«Садись, – кричит, – веселей, двое будем ехать»*), владеющего русским языком (многие русские публицисты указывали на то, что чувашаи-ямщики говорили на русском – Н. С.), предпочитающего Кереметь Богородице и Николаю Чудотворцу: *«я Николача почитаю: я ему на зиму, пуцай, хоть не кланяюсь, а на лето ему двугривенный даю, чтоб он мне хорошенько коровок берет! Да еще на него од-*

ного не надеюсь, так Керемети бычка жертвую». Из вышесказанного можно сделать вывод, что чувашки предпочитали верить в то, к чему привыкли, и языческая вера была им ближе православной. В то же время можно предположить, что уже в это время чувашский народ, общаясь с разными этносами, приобщался к их культуре.

Н. Гарин-Михайловский в заметке «В сутолоке провинциальной жизни» показывает быт, нравы и обычаи чувашей, восхищается их умением радоваться жизни. Эту же мысль развивают и публицисты XX века. В частности, Н. Евдокимов в «Житии прекрасного Серафима Фролова» описывает чувства персонажа, приехавшего в чужой город: «в Чебоксары Фролов прибыл на третьи сутки. Город ему понравился спокойной простотой и месторасположением над самой Волгой. Люди тут жили нерусские, говорили на своем, тоже на благозвучном, чувашском языке. Были они ласковы между собой, душевны с ним» [8, 493].

Н. Гарин-Михайловский в указанном произведении подробно описывает крестьянскую избу, людей, заболевших тифом и холерой: «умершие от холеры спали своим вечным сном в могилах, да и разорившиеся крестьяне не могли уже поправиться от недуга, не могли вовремя привезти семян, отчего произошел второй голод. Ждали страшную болезнь – холеру. И вдруг “как громом поразившая всех” пришла страшная весть: в Паршине холера. В той самой чувашской Паршине, где недавно (зимой) был тиф» [8, 148]. Автор отмечает, что, несмотря на все трудности, весной девушки водили хоровод, народ готовился к посеву, все радовались тому, что остались живы. Публицист замечает, что чувашки называют себя «бедными чувашками» и живут как могут: надеясь на «Великий Тура», пахут землю, круглый год работают, а весной, несмотря ни на что, опять веселятся: «Мы любим землю. Мы все весело делаем: работаем, празднуем, а смерть придет – умираем. Так мы живем» [8, 150].

Быт, нравы и обычаи чувашей Н. Гарин-Михайловский изображает также в драме «Зора», где отмечает, что миролюбивый чувашский народ покорен, но только до определенного времени, и не следует его обижать.

Герой драмы молодой Гарри видит парней и девушек в национальных костюмах, которые ведут хоровод. Ими руководит жрец, который рассказывает гостю о своем народе. «Веселее, детушки, чтоб великий бог наш Тура не сердился... Мы – бедные чувашки – без книг, со слов отцов обычаи предков строго держим. Великий Тора – бог наш добрый, а Ирих – злой и на глаза болезнь пускает. Богинюшка ж, дочь молодая Тора, нам свадьбы правит, и так живем мы... Никому от нас обиды нет» [8, 156–157]. Стоило Гарри нарушить обычаи и нравы чувашей (украл язычницу-красавицу Зору – Н. С.), т. е. посеять зло, как миролюбивые люди начали бунтовать и негодовать, сожгли замок, а тихий и скромный чуваш Зораим со словами «умри же, проклятый!» убил Гарри. И это была священная месть за погубленную любовь, за счастье, за Зору, за все, что похищено Гарри у чувашского народа (традиции народа, честь чувашской девушки – Н. С.). Характерно, что во главе этого бунта автор поставил старика-жреца, который в первых сценах являлся воплощением покорности и смирения. Гарри умер со словами любви к Зоре: «Я только с Зорой. Теперь я эти нити золотые матери-природы ясно вижу... Увы! Я сердце благородное разбил, той сердце, которую одну любил» [8, 168].

О бесправии чувашей повествует В. Даль в произведении «Сухая беда», но в то же время он отмечает такую черту их характера, как мстительность.

Один из персонажей этого произведения Чулка «был негодяем и воришкой»; попавшись на воровстве, он «поплатился зубом, который выбил ему Ярмук пестом». Не

успокоившись, Чулка решил отомстить односельчанину, «укравав у него лошадь», но хозяин снова его поймал. Молодой человек еще больше обозлился и хотел во чтобы то ни стало отомстить своему обидчику. Даже *«вернувшись домой, Чулка был так зол, что лез на стену»*. Его останавливало только то, что он был чувашом, если бы не это, то *«посянул бы на убийство своего заклятого врага, Ярмука»*. Это показывает, что чувашский народ был не способен на убийство, а мсть его могла быть страшной: *«выждав ночь, он пошел и удавился на воротах Ярмука»* [8, 39]. Самоубийство Чулки – «тип шар» (сухая беда) – самое страшное наказание у чувашей, и говорят, что и *«пояныне чувашши в злобе обещають один у другого на дворе удавиться»* [8, 39].

Развивая вышесказанную мысль, мы обратились к произведению Н. Телешова «Сухая беда», где он нарисовал картины бесправия, насилия и произвола над чувашами со стороны власти и «сильных» (богатых). В этом произведении главным героем является забитый, но очень способный чуваш Максимка, «безмятежно спавший на своей койке», покорно несущий ярмо батрака вдалеке от родных в доме мещанки Емельяники, «которую он ненавидел». Впоследствии всем своим существом он встает на защиту столь же несчастной, бедной, но честной девушки Фени, загубленной Кургановым. В бессильной и безвыходной ярости Максимка приходит к осознанию, что «его всю жизнь били, ругали и притесняли». И вот этот когда-то покорный и забитый Максимка теперь протестует сильно и страшно: *«Еще никто и никогда не видал Максимку таким»*. В молодом человеке уже нельзя было признать того послушного, безропотного парня, которого били по щекам, ругали на всяком шагу: *«Теперь он был бы страшен самой Емельянике, да и сам затрепетал бы перед собою, если бы увидал себя в зеркале»* [8, 127]. Защищая Феню, он готов был *«пробраться к Курганову ночью и перерезать горло, чтобы знал коштан, как обижать и смеяться над простыми людьми! Но клятва связала ему руки, и от ужаса он чуть не задохнулся»* [8, 127]. После случившегося с девушкой Максимка отдалился от русского и с радостью *«чувствовал себя тем прежним свободным чувашинном, каким были его отец, дед и прадед»* [8, 128]. Предки молодого человека, по его мнению, *«умели жить на свете, а вот он не умеет»*. В бессильном протесте для врага своего он находит жестокую кару – «тип шар» (сухая беда). *«Ведь с проклятым коштаном ничего иначе не сделаешь: он все будет смеяться да пировать»*. Если он отомстит врагу жестокой карой, то *«не пропустит ему ни одной ночи, чтобы не явиться ужасным призраком»*. Он хотел попрекать его своей смертью, душить страшными сновидениями, становиться поперек дороги, путать мысли, отравлять веселье [8, 129]. Вскоре Максимка повесился в комнате Курганова, при этом *«думал Максимка недолго. Он повернулся лицом к окну и молча угрозил кому-то кулаком, а через минуту висел уже в петле»* [5, 130]. Самоубийство Максимки – своеобразная форма протеста, характерная для чувашского этноса, и бунта за свое и чужое горе, врагами разбитое счастье, а не жертвенный подвиг.

Резюме. В данной работе было проведено исследование публицистических статей, путевых записей и очерков русских публицистов XIX века, в которых отражены жизнь и быт чувашского народа. В свете изложенного можно сделать вывод о том, что через публицистику русским писателям удалось показать национальную картину мира чувашей: историю дореволюционной жизни чувашского народа (страдания, нужды, бесправие и чиновничий произвол, запрет на изучение родного языка), внешность представителей чувашского этноса (фигура, черты лица, одежда, определенные движения, жесты, манеры и т. д.), их характер (чувашши представлены как свободолюбивый народ, который не смирился с насилием и угнетением, поэтому не раз восставал против угнетателей) [2, 234].

Исследование подтвердило предположение о том, что еще до XIX века чувашки имели свое мировоззрение, у них было свое отношение к народам других национальностей (русские, татары, черемисы), их быт, нравы, верования были своеобразны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабаш, Ю. Я.* О диалектике национального и общечеловеческого (Гоголь) / Ю. Я. Барабаш // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 95–103.
2. *Введение* в литературоведение. Хрестоматия / под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. – М. : Высшая школа, 2006. – 463 с.
3. *Введение* в литературоведение / под ред. Л. М. Крупчанова. – М. : Оникс, 2009. – 416 с.
4. *Горанов, К.* Художественный образ и его историческая жизнь / К. Горанов. – М. : Искусство, 1970. – С. 504–516.
5. *Прохорова, О. В.* Идея образа «человека без направления» и женские образы на материале романов «Некуда», «На ножах», «Соколий перелет» Н. С. Лескова / О. В. Прохорова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2012. – № 2 (74). Ч. 2. – 123 с.
6. *Родионова, Э. В.* Проблема национального в чувашском литературоведении 50–80-х гг. XX в. / Э. В. Родионова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 4 (80). Ч. 1. – С. 131–134.
7. *Русские писатели о чувашах* / сост. Ф. Уяр, И. Мучи ; под ред. и с предисл. И. Н. Сутягина. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1946. – Вып. 1. – 399 с.
8. *Русские писатели о чувашах* / сост., вступит. ст. Ф. Е. Уяра ; коммент. Г. И. Федорова ; послесл. В. Г. Родионова. – 2-е изд., доп. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 589 с.
9. *Сарбаш, Л. Н.* Инонациональное в русской литературе и публицистике 19 века: проблематика и поэтика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Л. Н. Сарбаш. – М., 2013. – 30 с.
10. *Тимофеев, Л. И.* Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – М. : Просвещение, 1963. – 432 с.